

Artemov, Andrej

**К проблеме модернизации правил русской транслитерации
чешских и чехизированных имен собственных**

Новая русистика. 2013, vol. 6, iss. 1, pp. [25]-39

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/128367>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Андрей АРТЁМОВ
(Ческе-Будеёвице)

К проблеме модернизации правил русской транслитерации чешских и чехизированных имён собственных

The Problem of Modernizing the Rules of Russian Transliteration of Czech Proper Names

The article deals with the problems of transliteration of proper names from Czech into Russian language. These languages have two different graphics systems: Latin and Cyrillic. This leads to the problem of the transfer of proper names from one language to another. This problem is particularly manifested itself in the diplomatic environment, in journalism, in marriages, in some other areas and situations. Prior to the beginning of the 90s of the twentieth century in the Russian-speaking environment, officially accepted rules were used. With the wide spread of the Internet, as well as the strong development of tourism and bilateral trade, a mass violation of applicable rules of transliteration has become. Previously not very well-known among Russian Czech place names, surnames, historical realities, etc. have become more widely used, but without following the established rules of transliteration.

The author does not intend to make a global reform of the rules of transliteration of Czech proper names in Russian, and he tries to answer the questions that arise during the process.

Key Words: transliteration; proper names; Russian; Czech; breach of the rules of transliteration; developments in transliteration

Проблема транслитерации не нова. Для пары *чешский язык – русский язык* она успешно решалась на протяжении многих лет, хотя и имела целый ряд спорных случаев. Правила транслитерации, поддерживавшиеся нормами, принятыми для дипломатической сферы и сферы журналистики, в основном соблюдались вплоть до начала 90-х годов XX-го века. С широким распространением Интернета, а также при сильном развитии сферы туризма и двусторонней торговли стало происходить массовое нарушение действующих правил транслитерации. Ранее не очень известные в русскоговорящей среде чешские географические названия, фамилии, исторические реалии и т. д. стали более широко использоваться, но при этом без соблюдения устоявшихся правил транслитерации.

Это нарушение имеет свои положительные и отрицательные стороны, которые будут проанализированы в данной статье, что, вероятно, в дальнейшем способствовало бы пересмотру уже значительно устаревшей нормы транслитерации, принятой (или унаследованной) МИДом РФ для чешских и словацких географических названий¹, а также и для других имён собственных.

Безусловно одной из главных проблем последних лет является нарушение единства транслитерации. В Интернете и в литературе для туристов находим *Нимбург* и *Нымбург*, *Тршебонь* и *Тржебонь*, *Сихров* и *Сыхров*, *Глубока* и *Хлубока*, *Подебрады* и *Подебради* и т. д. Отсюда ясно, что необходимо создавать такие правила, при которых одна и та же графема или сочетание нескольких графем транслитерируются на русский язык всегда одинаково. Данный принцип безусловно необходим, но в применении к чешскому языку не так уж прост в исполнении, поэтому нужно учитывать ряд свойств отдельных звуков при их сочетании с другими звуками, позицию в слове, специфичность графемы (например, чешское сочетание графем *ch* обозначается русским *х*, *ř* – русским *рж* или *ри*, чешский *х* русским *кс*, а чешское *тě* соответствует русскому *мне*). Кроме того, в ряде случаев в русском языке может возникнуть проблема непроезносимости и благозвучия. К сожалению, в силу того, что не все звуки или сочетания звуков чешского языка можно точно воспроизвести средствами русского алфавита, происходит упрощение или же приспособление фонетической стороны чешских имён собственных русскому звучанию (меняется качество звука – долгие гласные звуки чешского языка в русском теряют долготу и даже зачастую редуцируются, происходят значительные изменения в акцентации – ударение часто смещается при русском произношении, может изменяться грамматико-морфологическая основа слов – т. е. возникает восприятие слова под иным родом и изменение

¹ Инструкция по русской передаче географических названий Чехословакии. Москва, 1977.

К проблеме модернизации правил русской транслитерации чешских...

склонения или же несклоняемость и др.²). Тем не менее не стоит слишком уходить от транскрипции, которая должна быть близка к транслитерации, что для пары *чешский язык – русский язык* вполне возможно. В чешском языке не так уж много сложно произносимых для носителя русского языка сочетаний звуков. Близость к транскрипции безусловно послужит более точному пониманию и воспроизведению имён собственных.

Для пары *чешский язык – русский язык* не стоит прибегать к слишком широкому упрощению, необходимо, несмотря на всю кропотливость, детально подходить к каждому имени собственному, подробно рассматривая его структуру, заботясь о благозвучии русскоязычного соответствия, не забывая об историко-культурных аспектах, а также об обыкновённом удобстве словоупотребления.

Известно, что частым аргументом в пользу единства и упрощения транслитерации является её обратимость, т. е. система транслитерации должна быть основана на знаках, которые возможно заменить не только при переводе с чешского на русский язык, но и в обратном направлении. В данном случае, как мне кажется, не стоит ставить во главу угла простоту использования системы (учитывая, что некоторые нарушения её в последнее время были значительно растиражированы Интернетом). Безусловно, должны существовать правила, но их необходимо дополнить справочником или словарём, в котором были бы представлены все необходимые (и менее употребительные) топонимы, антропонимы, историзмы, реалии и т. д. Справочник бы учитывал так называемые «сложные случаи», а также исторические и культурные аспекты, которые непросто или же невозможно установить на основании правил транслитерации. В справочнике можно было бы представить и существовавшие до сих пор варианты. Например имя *Matyáš* традиционно передавалось в исторических источниках и учебниках по истории как *Матиас*, на мой взгляд, это не справедливо по отношению к современным носителям этого имени, которое должно на русский транслитерироваться как *Матиаиш*³ (в данном случае в справочнике можно отметить соответствующими пометами историческое – *Матиас* и современное – *Матиаиш*). Варианты *Маттиас*, *Матьяш*, *Матвей*, *Матей* по всей вероятности должны быть из такого сборника исключены как нечешские или же могут встречаться в исторических пометах энциклопедического характера, когда, к примеру, речь идёт о правителе, власть которого распространялась в странах и землях с разноязычным населением, как это было в случае с Матиашем Корвином

² К некоторым проблемам из приведённых в скобках, вероятно, стоит обратиться в отдельной статье, поскольку они выходят за рамки фонетическо-графического аспекта транслитерации.

³ К проблеме ударения в данном слове и к проблеме передачи чешского у (ипсилона) средствами русской графики обращусь ниже.

(чеш. *Matyáš Korvín*, венг. *Hunyadi Mátyás*, словацк. *Matej Korvín*, нем. *Matthias Corvinus*, рум. *Matei Corvín* и т. д.).

И ещё хотелось бы обратиться к феномену Интернета и его влиянию на использование имён собственных. С одной стороны, у непоследовательных пользователей не возникает затруднений при передаче, скажем, чешских географических названий, т. е., так сказать, пишут «как напишется», что превносит при обильном нарушении существующих правил большой «разброд» в обозначение ряда городов, рек и т. д. С другой стороны, Интернет методом некоторой неуправляемой эволюции приводит к упорядочению написания многих названий городов и в целом имён собственных, т. е. более частыми становятся более удобные из них. К примеру, так дело обстоит с так называемой «народной» транслитерацией городов *Карловы-Вары*, *Поддебрады*, *Франтишкови-Лазне* (в названиях этих городов произошло уподобление флексии -у с русским -ы) и др. Такие случаи, пожалуй, было бы необходимо «узаконить»⁴, поскольку их многие пользователи воспринимают именно как правильные да и с точки зрения чешских правил транслитерации замена чешского ипсилона – у русским *ы*, а не *и* используется уже давно, особенно в окончаниях.

Попробую проанализировать основные проблемы, связанные с транслитерацией чешских имён собственных кириллицей русского образца.

Начну с тех букв, которые обозначают чешские звуки, не представленные в современном русском литературном языке. Это касается, естественно, типично чешской буквы *ř*, обозначающей редкий, фактически не встречающийся в других языках мира согласный звук. Его называют фрикативным вибрантом и к нему относят два аллофона: так называемые звонкий [ř] и глухой [ř̥] варианты данной фонемы. Звонкий [ř] проявляет себя в начале слова, после звонких согласных и между двумя гласными, как правило он ассимилируется по глухости под воздействием предшествующего глухого согласного, тем самым возникает его глухой вариант. Соответственно, на русский язык буква *ř* должна передаваться двумя вариантами: *рж* или *ри*. До распространения влияния Интернета правило транслитерации данной буквы двумя вариантами строго соблюдалось, в последние двадцать лет оно нередко нарушается, особенно в Интернете. Т. е. необходимо писать по-русски: *Кардашова-Ржечице*, *Бржезнице*, *Добржиши*, **но!** *Тришебонь*, *Пришибрам*, *Тришисов* и т. д., что, как правило, соблюдается в сфере официальной картографии, но отнюдь не в Интернете или в туристической литературе. Соответственно, это же правило должно более последовательно применяться и при использовании антропонимов, включая исторические. К примеру, вместо по-

⁴ В данном случае я снова оппонирую выше упомянутой «Инструкции по русской передаче географических названий Чехословакии».

К проблеме модернизации правил русской транслитерации чешских...

всеместно встречающегося *Пржемысловичи* должно быть *Приемысловичи*, более близкое к транскрипции и не нарушающее уже существующего правила. То же самое касается имён чешских королей: *Приемысл-Отакар*, а не *Пржемысл_Отакар* (как мы видим в «Википедии»⁵), а в дальнейшем и в целом ряде студенческих рефератов и курсовых работ).

Далее к буквам, которые сложно передать средствами русского алфавита, относится **h**, обозначающий ларингальный фрикативный звук. Для упрощения его русским студентам-богемистам представляют как «украинское фрикативное г». Здесь снова необходимо применять определённую избирательность при применении транслитерации. Традиционно и в силу исторических причин⁶ было принято транслитерировать **h** как **г**, но в последнее время наблюдается нарушение этого правила, вероятнее всего, под воздействием повсеместно распространившегося в мире английского языка, из которого **h** переносится в русский язык чаще всего как **х**. Исключением не является и немецкий язык, при транслитерации из которого **h** в XVIII веке переносилось, как **г**, а во 2-й половине XX века стала прослеживаться тенденция к транслитерации с помощью **х** (напр. город *Галле/Халле*, имя *Гельмут/Хельмут*). С точки зрения современного русского языка выше сказанное об английском и немецком языках не касается так называемых устоявшихся традиционных топонимов: *Галифакс (Halifax)*, *Гамбург (Hamburg)*, *Ганновер (Hannover)*, написание которых и обратную транслитерацию, вероятно, нужно запоминать на основании словарей и справочников.

При транслитерации буквы **h** необходимо помнить об этимологии некоторых категорий слов. Прежде всего это относится к фамилиям. У топонимов отдаётся предпочтение букве **г** (*Hradec Králové – Градец-Крало́ве*, *Havlíčkův Brod – Гавличкув-Брод*, *Humpolec – Гумполец*, *Hodonín – Годонин*, *Pelhřimov – Пельгржимов*, *Mohelnice – Могельнице*, *Ohře – Огрже*, *Zbiroh – Зби́рог*, и даже из немецкого *Frahelš – Фрагельш*), а также и чешские фамилии, этимологически восходящие к славянским корням, легко передаются с помощью **г** (*Hrachovec – Граховец*, *Hrubín – Грубин*). Однако многочисленные чешские фамилии немецкого происхождения вызывают при транслитерации множество затруднений. Для некоторых из них в силу того, что они уже вошли в чешский язык и даже получили своё чешское написание, стоит применять транслитерацию **h = г**. У тех, в которых ясно просматривается их немецкая форма (т. е. они по написанию и по произношению идентичны с немецкими) стоит взвесить применение **h = х**. Например, изначально немецкая фамилия *Hujer* (> нем. *Häuer – ‘шахтёр’*), значительно изменённая и вошедшая

⁵ См. статьи Пржемысл Отакар I и Пржемысл Отакар II в русской версии «Википедии».

⁶ См. к примеру: Пчёлов, Е. В.: *Российская Академия и вопрос о введении в русский алфавит новых букв*, стр. 205 [2].

в чешский язык, должна передаваться только, как *Гуер*. У фамилии *Hoffmann* немецкого или еврейского происхождения, которая значительно известна и распространена, вероятно, можно использовать в русском языке оба варианта: *Гоффманн* и *Хоффманн*. (В таких случаях при всём желании лингвиста придерживаться объективно генерируемых правил остаётся лишь полагаться на принцип «языкового чутья».) Среди чешско-немецких фамилий найдём такие, у которых можно не только применять оба варианта транслитерации **h**, но и, встречаясь с различным произношением (немецким или чешским) и различными вариантами написания, в итоге вывести из одной фамилии несколько, что никак не послужит принципам упрощения или же обратимости транслитерации: *Hampel (Hampf) – Хампел/Хампель (Гампл/Гампель)...*, *Hausner – Гауснер/Гаузнер/Хауснер/Хаузнер, Hückel (Huckl) – Гюкель/Хюкель (Гикл/Гикль/Хикл/Хикль)...*, *Frühauf – Фрюхауф/Фрюгауф/Фригауф/Фрихауф* и т. д. (*Hergsell, Hübel, Hübner, Hübsch, Hofbauer...*). Вопрос, связанный с произношением немецких фамилий и с их написанием в немецкой и чехизированной формах, является сложным для богемистики⁷, поэтому и проблема их транслитерации (в частности, с элементом **h**) заслуживает особого разбора.

Следующим, хотя и в меньшей степени спорным, вопросом является транслитерация чешского **l**. Казалось бы, что в данном случае может вызывать затруднения? Камнем преткновения является вопрос палатализации **l** при его появлении в группе согласных. Чешский [l] является так называемым «среднеевропейским», т. е. его произношение отличается как от русского твёрдого [l], так и от мягкого [l']. Кстати, по его произношению в чешском языке бывает часто легко определить русскоговорящих, поскольку произношение [l] у них часто тяготеет к одному из русских вариантов – мягкому или твёрдому. Тем не менее, не так просто решить, писать или не писать мягкий знак после *л*. К примеру, такой известный город как *Plzeň* уже фактически однозначно [3, 377] пишется *Пльзень*. Здесь возникает вопрос, а нужно ли при транслитерации подчёркивать несуществующую в чешском мягкость [l], которая может возникнуть при переводе в русскую графическую систему чешских имён собственных и при последующем их произнесении по-русски? Стоит ли в данном случае вводить в графику проявление ассимиляции по мягкости, которое возникает при произнесении по-русски названия *Пльзень*?

В данном случае, пожалуй, снова приходится подходить ко многим названиям более «индивидуально», чем хотелось бы, когда мы создаём единое правило. Написание *Пльзень* оправданно в связи с упомянутой

⁷ См. Beneš, Josef: Výslovnost našich příjmení německého původu. *Naše řeč*, č. 9–10, r. 43 (1960), str. 269–274.

К проблеме модернизации правил русской транслитерации чешских...

ассимиляцией, есть и другие названия, в которых напрашивается смягчение. По аналогии должно смягчаться [l] и в случае *Mělník – Мнельник, Bylnice – Быльнице, Děpoltice – Деполтице, Choltice – Хольтице, Kelníky – Кельники, Kvilda – Квильда* и других⁸. Также интересны и в некоторой степени загадочны и непросты при транслитерации случаи со слогаобразующим [l], после которого следует *č*, ср.: *Telč, Vlčeves*. В случае с городом *Telč*, название которого в чешском языке женского рода, придерживаясь правил, после конечного *č* необходимо писать мягкий знак, указывающий на женский род по аналогии с *Керчь, Запорожская Сечь*, более того второй мягкий знак будет после *л* на основании ассимиляции по мягкости, как это ни удивительно. Если мы хотим сохранить изначальный женский род данного названия как и в чешском языке, то транслитерация должна выглядеть следующим образом: *Тельч*. Учтявая, что в чешском языке род данного названия в обиходно-разговорной практике колеблется между женским и мужским, а также то, что для упрощения употребления русские как правило добавляют перед названием родовое слово «город», при транслитерации на русский язык сильно проявляет себя тенденция по переходу в мужской род, а соответственно и написание *Тельч*⁹.

Табл. 1:

би	+	бы
ви	+	вы
ги		
ди	+	ды
жи		
зи	+	зы
ки		
ли	+	лы
ми	+	мы
ни	+	ны
пи	+	пы
ри	+	ры
си	+	сы
ти	+	ты
фи	+	фы
хи		
ци	+	цы
чи		
ши		
щи		

Кроме того, возможно, лучше (так сказать «для русского уха и глаза») смягчать названия с элементом *-vald*, пришедшие из немецкого языка: *Hukvaldy – Гуквальды, Rychvald – Рихвальд, Tanvald – Танвальд*. Хотя, возможно, аналогия с немецким не слишком корректна, поскольку это чешские (!) ойконимы. Если судить по Интернету, такие названия уже вполне прижились и именно в приведённом виде используются в русских публикациях.

К специфическим названиям можно отнести *Litomyšl*, город, название которого укоренилось в Интернете как *Литомышьль* (при этом русским довольно сложно определить род данного слова), *Salmovský palác – Сальмовский дворец* (мягкий знак в данном случае объясним лишь удобством произношения) и другие.

⁸ Найдём и такие названия, у которых смягчение «напрашивается», скорее, с точки зрения этимологии, напр.: *Dlouhopolsko – Длоугополско* или *Длоугопольско*. Пожалуй, в русском языке лучше звучит второй вариант, что может быть объяснено «автоматическим» соотношением второй части слова с элементом «поле».

⁹ Достаточно проверить данное написание на www.google.com.

Многочисленные имена собственные с чешским ипсионом (как кратким – *y*, так и долгим – *ý*) должны передаваться русской графикой с учётом позиции данной буквы в слове, звуковой сочетаемости, этимологии имён собственных, а также с учётом развития обоих славянских языков.

Упомянутая «Инструкция по русской передаче географических названий Чехословакии» для четырёх букв чешского алфавита *í, í, y, ý* предоставляет в качестве соответствия **и**. Это неудивительно. С наибольшей вероятностью в данном случае принималось во внимание историческое развитие так называемого и-мягкого (*i*) и и-твёрдого (*y*), которые различались по произношению вплоть до нач. XIV в.¹⁰ При обучении русскому языку в Чешской Республике бывшее различие в произношении учитывается во многих учебниках, что помогает объяснению природы этих звуков¹¹. По произношению они в современном языке в целом не различаются¹². Тем не менее существует орфографическая традиция, восходящая как к законам фонетического развития чешского языка (к примеру, упрощённо можно сказать, что она проявляется в необходимости писать *hy, chy, ky, ry*), так и к этимологии многих слов (*silný – сильный, lůko – лыко, ryba – рыба*). Учитывая это, необходимо ввести некоторое дифференциацию в правило русской транслитерации *í, í, y, ý*, т. е. в большинстве случаев лучше пользоваться для *i, í – и*, а для *y, ý – ы*. Но исключения будут составлять сочетания в чешском языке упомянутых гласных с согласными **č, g, (h), ch, k, š, ž**, а в русском соответственно **г, ж, к, х, ч, ш, (ш)** (см. табл. 1), которые с *ы* не сочетаются.

Поэтому уже давно стало устойчивым написание названия города *Karlovy-Vary (Karlovy Vary)*, в котором конечное *y* в обоих словах в обиходном употреблении заменяется на *ы*. В данном случае сильно воздействует морфологический фактор, когда флексия, указывающая на множественное число, совпадает по своему значению с русской. Официально принятое и появившееся то и дело на русских картах название *Karlovi-Vary* однозначно не соответствует действительности, является искусственным и фактически не употребляемым, что демонстрирует и Интернет, и многочисленные буклеты, реклама и т. д. С подобным явлением мы сталкиваемся и в префиксах, прежде всего у *yu-* или *yú-*. То же самое распространяется на: *Františkovy-Lázne (Františkovy Lázně)*, *Koneprusy (Koněprusy)*, *Kosmonosy (Kosmonosy)*, *Lysovice (Lysovice)*, но, соответственно: *Выклеки (Výkleky)*, *Выскитна (Vy-*

¹⁰ Lamprecht, Arnošt; Šlosar, Dušan; Bauer, Jaroslav: *Historický vývoj češtiny. Hláskosloví. Tvarosloví. Skladba*. Praha, SPN 1977. Стр. 46.

¹¹ В современных учебниках русского языка зачастую автоматически и-мягкое (*i*) уподобляется русскому «и», а и-твёрдое (*y*) – русскому «ы». Достаточно открыть любой учебник русского языка, изданный в Чехии, напр.: Nekolová, Věra; Samutaliová, Irena; Vasiljeva-Lešková, Alena: *Ruština nejen pro samouky*. Praha, Leda 2002.

¹² В данном случае не рассматриваются диалектные варианты произношения.

К проблеме модернизации правил русской транслитерации чешских...

skytná), *Лазне-Кунжварм* (*Lázně Kynžvart*), *Киселка* (*Kyselka*), *Чкине* (*Čkyňě*) и др.

Довольно неестественно (если сохранять **ы** в корне слова) звучат в русском языке названия, прежде всего, по происхождению немецкие, даже те, которые уже давно были освоены чешским языком, поэтому в них для благозвучия и удобства произношения стоит сохранить **и**. Ср.:

а) после группы согласных с **г**: *Fryčovice* – *Фричовице*, *Frýdek-Místek* – *Фридек-Мистек*, *Frýdlant* – *Фридлант*, *Frýdštejn* – *Фридштейн*, *Frymburk* – *Фримбурк*, *Fryšták* – *Фриштак*;

б) в других случаях: *Nymburk* – *Нимбурк*, *Rychvald* – *Рихвальд*.

К сложным случаям можно отнести и, казалось бы, однозначно транслитерируемые фамилии, например: *Matyášová*, в данном случае сложно определить, какой вариант предпочтительнее: *Матыушова* или *Матиушова*. Для русского, не знающего об имени *Matyáš*, это, пожалуй не принципиально, поэтому может использоваться вариант с **ы**, но, как я уже упоминал выше, может возникнуть проблема удобства произношения и благозвучия, которая, вероятно, связана и с тем, что **ы** в корне иностранных слов индо-европейского происхождения в русском языке встречается редко, поэтому лучше отдать предпочтение второму варианту.

Можно попробовать ввести в правило дифференциацию для согласных *d*, *n*, *t*, которая существует в современном чешском языке, т. е. передавать *di*, *ti*, *ni* в корнях и суффиксах слов как *ди*, *ни*, *ти*, а *dy*, *ny*, *ty* как *ды*, *ны*, *ты*. У других согласных кроме упомянутых *č*, *g*, (*h*), *ch*, *k*, *š*, *ž* такая дифференциация не представляется возможной или возможна лишь частично под воздействием этимологии или же общеславянской омонимии. Если вводить выше приведённую дифференциацию для остальных согласных в корне или суффиксе, то у каждого согласного мы столкнёмся со своими специфическими проблемами, основанными на его сочетаемости, а также на частотности отдельных сочетаний:

1) **bi(i)/by(ý)**: *Biskoupky* – *Бискоупки*, *Bitov* – *Битов*, *Vystrá* – *Быстра*, *Býkov* – *Быков* (в целом дифференциация **и/ы** может быть соблюдена, но у названий типа *Vuřov* – *Быньов/Бынёв*, *Vyžhradec* – *Бызградец* будет соблюдаться лишь формально, т. е. нет никаких прямых указателей кроме употребления чешского ипсилона, соотносимого с **ы**, поэтому используются и варианты *Бинёв*, *Бызградец*), название *Starý Bůdžov* найдём в Интернете как с **и**, так с **ы**, в пользу транслитерации *Стары-Биджов* говорит лишь удобство произношения и традиция;

2) с **в** любом сочетании будет передаваться на русский как **ци** (что обусловлено традициями русской орфографии, несмотря на то, что русский [с] не смягчается): *Cidlina* – *Цидлина*, *Cinovec* – *Циновец*, *Cyrilov* – *Цирилов*;

3) сочетания с **f** также передаются однозначно как **фи** (к тому же сочетание *fu* достаточно редкое и встречается как правило в корне заимствованных слов, ср.: *fyzika, fyzioterapie*): *Filipka* – Филипка, *Filipova Hut'* – Филипова-Гуть;

4) сочетания с **l** можно рассматривать с точки зрения дифференциации *u/ы*, в данном случае будет играть роль и славянская омонимия: *Líra* – Луна, *Lírec* – Лунец, *Lysice* – Лысице, *Lysovice* – Лысовице. Исключением может стать элемент '*młyn*' (русск. 'мельница'), который при русском произношении имеет смягчённое [л]: *Mlýnu* – Млины, *Mlýnské Struhadlo* – Млинске--Стругадло;

5) **mi(i)/my(ý)**: то же самое можно сказать и о сочетаниях с **m**: *Michalovice* – Михаловице, *Mičov* – Мичов, *Myšenec* – Мышенец, *Mýto* – Мыто, по той же причине транслитерируем *Litomyšl* – Литомышьль, а не *Литомишьль*, *Nemyslovice* – Немысловице, *Nemyšl* – Немышьль;

6) **pi(i)/py(ý)**: *Pikárec* – Пикарец, *Písek* – Пусек, *Pyšely* – Пышелы, *Pyšná* – Пышна (хотя транслитерация *Пышелы* может показаться непривычной, то же самое возможно и при транслитерации *Pytlov* – Пытлов, *Pytlíkov* – Пытликков). В корне сочетание **pi(i)/py(ý)** при транслитерации на русский язык не проявляет себя так выразительно да и в репертуаре топонимов находим лишь немного омонимичных названий с данным сочетанием, поэтому дифференциация *u/ы* в данном случае может производиться лишь по аналогии, к примеру, также как с похожими сочетаниями **bi(i)/by(ý)**. Но всё равно возникают исключения, поддерживаемые русской традицией, напр. *Spytihněv* лучше транслитерировать как *Спитигнев*.

7) **ri(i)¹³/ry(ý)**: эти сочетания частично рассматривались выше, подчеркну, что в данном случае желательно отдавать предпочтение *u*, но при омонимии, пожалуй, стоит сохранять *ы*. Это касается имён собственных с элементом *рыб-* напр.: *Rybárny* – Рыбарны, *Rybí* – Рыби, *Rybná* – Рыбна, *Rybňany* – Рыбняны, *Rybniště* – Рыбниште.

8) **si(i)/sy(ý)**: у имён собственных с данными сочетаниями в корне может применяться подобный подход, как и у предыдущих, т. е. при межславянской омонимии можно использовать *ы*, но предпочтительным остаётся *u*. Ср.: *Sibřina* – Сибржина, *Rusín* – Русин, *Sychrov* – Сухров, *Sýkořice* – Сикоржичице;

9) **vi(i)/vy(ý)**: и у данных сочетаний в корне придерживаемся правила предпочтения *u*, но при явной славянской омонимии – *ы*: *Slavičín* – Славичин, *Slavíkov* – Славиков, *Vysoká Libuň* – Высока-Либине/Высока-Либине, *Výškovice* – Вышковице;

¹³ Такие сочетания фактически не встречаются. Привожу здесь это сочетание лишь как возможное, к примеру, в иностранных фамилиях, заимствованных чешским языком.

К проблеме модернизации правил русской транслитерации чешских...

10) **zi(i)/zy:** в данных сочетаниях в большей степени проявит себя транслитерация с *и*: *Zimoř* – *Зиморж*, *Sebizín* – *Себузин*, *Ruzyně* – *Рузине*.

Отсюда следует, что в правило транслитерации чешского *у* (*y*) должны быть внесены коррективы. С учётом позиции в слове, а именно в окончаниях и приставках *у* (*y*) может передаваться в русском языке с помощью *ы* (**но!** не после **г, ж, к, х, ч, ш**, когда всегда будет *и*), в корне имён собственных предпочтительнее *и*, но при этом необходимо принимать во внимание этимологию¹⁴ слова, межславянскую омонимию и рассматривать сочетаемость с отдельными согласными (поэтому такие названия, как *Týn nad Vltavou*, *Skoputce*, *Dýnín*, *Vyšehrad* могут в корне иметь *ы*, т. е. *Тын-над-Влтавоу/Тын-над-Влтавой*, *Скопытце*, *Дынин*, *Вышеград*).

Ещё одной чешской буквой, сочетания с которой переносятся в чешских именах собственных на русский язык непоследовательно, является **е** и её варианты с диакритическими знаками **ě, é**. Позиция в слове, сочетаемость данной буквы с другими, палатализация предыдущего согласного или её отсутствие, йотирование и другие аспекты должны в той или иной степени учитываться при транслитерации с помощью кириллицы.

При русской транслитерации чешских имён собственных наблюдается почти повсеместная прямая замена чешских *e, ě, é* на русское *e*, невзирая на произношение сочетаний с приведёнными чешскими буквами. Вполне понятно, что такая нивелизация искажает чешские имена собственные. Поэтому носители русского языка, не зная того, как правило, неоправданно смягчают согласные (кроме твёрдых **ж, ш, ц**) в сочетании с *e*, или же наоборот пытаются и на письме сохранить чешское произношение (что снова встречается в Интернете, как например: *Вэзэли-над-Лужници*). В отношении приведённой буквы необходимо установить однозначно трактуемые правила, но с учётом всех аспектов:

1. В начале слова чешское *e* в русском языке передаётся только с помощью *э*, что и используется: *Ejrovice/Эйповице*, *Erpušice/Эрпужице*, *Eš/Эш*, *Evaj/Эвань*, – это оправданно, поскольку только так можно избежать нежелательного йотирования в начале слова, которое исказило бы название. В иных позициях буква *э* почему-то, как правило, игнорируется, хотя её можно использовать чаще, не пренебрегая ею как каким-то чужеродным элементом.

2. К сожалению, традиции в использовании чешско-русской транслитерации не оставляют возможности для различения мягкого и твёрдого согласного во многих сочетаниях с *e, é* или *ě* (кроме позиции в начале слова).

¹⁴ Конечно же, необходимо признать, что зачастую этимология слова не восходит к общеславянским корням, или же является неясной. Тогда, безусловно, её приходится релятивизировать или же принимать во внимание удобство произношения на русском языке.

Может быть, в некоторых случаях было бы всё же лучше ввести дифференциацию *э/е*?

Приведу несколько примеров, когда реализация *э* после твёрдого согласного, на мой взгляд, не вызывает сильных противоречий и могла бы существовать: *Najdek – Найдэк, Nové Dvory – Новэ-Дворы, Ptenín – Птэнин*. Русский при произношении таких названий не смягчает предыдущий согласный, что больше соответствует чешскому произношению. У приведённых названий нельзя сказать, что для русскоговорящих они сложны по произношению, напротив, при такой транслитерации не возникает вопроса, надо ли смягчать согласный или нет. Такой вопрос часто возникает при чтении иностранных имён собственных, в которых присутствует буква *е* в позиции после согласного. Можно предположить, что у некоторых имён собственных (к примеру, в сочетаниях *de, te, ve(ě), fe, re(ě), le(ě)* и других, кроме транслитерированных русских сочетаний *с з, к, ж, ш, щ, х, ъ*) для сохранения самобытности (некоторой «чешскости») звучания всё же не мешало бы оставить твёрдый согласный, на который бы указывало *э*. В остальных случаях можно придерживаться традиционной транслитерации (*Andělka – Анделка, Beroun – Бероун, Čertoryje – Черторые*), при чём это касается и сочетаний *bě, fě, pě, vě*, которые в названиях традиционно русифицируются как *бе, фе, пе, ве* (вместо *бье, фье, пье, вье*): *Bělidla – Белидла* (но и *Бьелидла*¹⁵), *Pěčín – Печин* (но и *Пьечин*), *Věřice – Вержице* (но и *Вьержице*).

Выше приведённый пункт оставляю без решения, лишь в качестве предположения, поскольку использование *э* в чешских именах собственных почему-то традиционно отстраняется на периферию, вытесняется при воспроизведении в русском языке в результате транслитерации. Его планомерное использование могло бы в значительной степени помочь правильно произносить чешские имена собственные и устранить их искажение.

3. Сочетание *ě* с чешским **m**, т. е. **mě**, имеет особое произношение [mɛ], которое в силу его специфичности необходимо сохранять. Его транслитерация как **мне** в определённой степени подчёркивает отличие от русского языка, возникшее после XIV века с возникновением назализованной артикуляции *mje*, которое в свою очередь возникло из *m'ě > mie*¹⁶. К примеру, не стоит *Staré Město* транслитерировать как *Старе-Место*, а лучше как *Старе-Мнесто/Старэ-Мнесто* или же: *Nové Město nad Metují – Новэ-Мнесто-над-Метуи, Sudoměř – Судомнерж, Radiměř – Радимнерж, Předměřice*

¹⁵ Второй вариант привожу для сравнения и сохранения близкого к чешскому языку произношения, дабы название излишне не искажалось, избыточно не русифицировалось, и из предположения, что оно также может прижиться, поскольку, на мой взгляд, лучше передаёт чешское звучание и написание.

¹⁶ Lamprecht, Arnošt; Šlosar, Dušan; Bauer, Jaroslav: *Historický vývoj češtiny. Hláskosloví. Tvarosloví. Skladba*. Praha, SPN 1977, стр. 76.

К проблеме модернизации правил русской транслитерации чешских...

nad Labem – Приедмнержице-над-Лабем, *Nemětice* – Неметице/Нэметице, *Měšice* – Мнешице, *Měkunc* – Мнекинец, *Mělčany* – Мнелчаны и т. д. К примеру элемент ‘*město*’ то есть ‘*gorod*’ эквивалентен польскому ‘*miasto*’, которое на русском языке в польских названиях передаётся как *място*, напр.: *Stare Miasto* – *Старе-Място*, *Dobre Miasto* – *Добре-Място*, *Nowe Miasto* – *Нове-Място*, тем самым подчёркивая фонетическое отличие от русского. Поэтому и чешское ‘*město*’ вполне могло бы передаваться в именах собственных как *мнесто*, сохраняя тем самым свой колорит и устраняя неправильные ассоциации, основанные на межъязыковой омонимии с русским «место».

Далее необходимо упомянуть о сочетаниях с *j*, которые также следует транслитерировать на русский язык более последовательно с применением существующих в русском алфавите букв или же с учётом удобства произношения и использования слов с такими сочетаниями.

Что касается сочетаний *ja(á)*, *ju*, *je*, то наблюдается относительное единство в их передаче на русский язык с помощью *я*, *ю*, *е* как в начале слова так и в других позициях, напр.: *Jaroslavice* – *Ярославице*, *Dyjákovice* – *Дыяковице*, *Julčín* – *Юльчин*, *Jundrov* – *Юндров*. У сочетания *j + e* можно столкнуться с периодическим смешением различных вариантов транслитерации. Хотя такое смешение не сильно искажает чешские названия, тем не менее нередко при использовании разных вариантов транслитерации забывают о том, что русская буква *е* в своём алфавитном варианте состоит из [*j + e*], поэтому нет необходимости в воспроизведении сочетания букв *j + e* как *йе*, которое можно встретить довольно часто и которое фиксировалось в правилах транслитерации чешских названий особенно в отношении подобных сочетаний в середине слова, а иногда и в начале, напр.: *Rájec-Jestřebí* – *Раец-Йестршеби*, *Duje* – *Дуйе*. В данном случае нет необходимости повторять чешское *j* в русском написании, поскольку в начале слова и в других позициях после гласных, оно сохраняется. Учитывая этот факт, лучше транслитерировать выше приведённые чешские имена собственные как *Раец-Естршеби* и *Дые*. То же самое касается и других названий с данным сочетанием букв: *Újezd* – *Уезд*, *Vítějeves* – *Витеевес/Витеевэс*, *Jezeří* – *Езержи*, *Rájec nad Svitavou* – *Раец-над-Свитавоу/Раец-над-Свитавой*.

Сдвиг демонстрирует Интернет в отношении сочетания *jo* в середине слова. К примеру, намного чаще в настоящее время проявляет себя написание *České Budějovice* – *Ческе-Будеёвице* (вместо использовавшегося ранее *Ческе-Будейовице*), которое закрепилось и на географических картах. Иногда встречаются упоминания и о других подобных именах собственных. Поэтому на волне «более трепетного» отношения к букве *ё*, проявляющегося в последние годы в России, на мой взгляд не вызывает никаких противоречий использование этой буквы и при транслитерации, напр.: *Kyjov* – *Киёв* (с ударением

на и)¹⁷, *Kájov* – *Каёв* (с ударением на а), *Vožejov* – *Божеёв*, *Dolní Dunajovice* – *Дольни-Дунаёвице*, *Libějovice* – *Либьёвице*.

В начале слова под влиянием этимологии, традиции, благозвучия необходимо сохранять сочетание **йо**. Достаточно привести такие примеры, как *Josefov* – *Йозефов* (просматривается связь с именем *Иосиф*), *Jobova Lhota* – *Йобова-Лгота* (чешская форма библейского имени – *Job* – соответствует русскому Иов), *Johanka* – *Йоганка* (соответственно Иоганна, Жанна). Если приведённые названия транслитерировать с использованием **ё**, то это приведёт к искажению чешской формы, а в русском варианте написания может возникнуть нежелательная омонимия, также искажающая значение чешского имени собственного.

Некоторую трудность при произношении создают сочетания *j + i*, особенно в начале слова. Традиционно такие сочетания передаются при транслитерации в русском языке также как и в чешском двумя буквами (*ě + u*), напр.: *Jiterní Ves* – *Йитерни-Вес/Йитерни-Вэс*, *Jilovice* – *Йиловице*, *Jizera* – *Йизера*, *Čížkrajice* – *Чижкрайице*.

Тем не менее русские при произношении таких названий, как правило, выпускают **й**, поскольку в русском языке в таком порядке подобное сочетание звуков не распространено. Примером такого уже укоренившегося выпускания **й** является имя *Jiří*, которое в русском языке чаще всего присутствует как *Иржи*. Поэтому может возникнуть вопрос, как же транслитерировать, к примеру, такое название деревни, как *Jiříkovo Údolí*, с учётом имени *Иржи* или нет? Введение правила, в котором бы при транслитерации опускалось **й** в сочетании *ě + u*, вероятно облегчило бы для русских произношение имён собственных с таким сочетанием. Но, вполне естественно, может возникнуть определённое неудобство при транслитерации «домашнего» варианта того же самого имени *Jiří*, т. е. *Jirka*, мужское имя будет звучать как *Ирка*, хотя в контексте, на мой взгляд, это не будет создавать больших неудобств.

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание, – это зачастую непоследовательное использование дефиса в сложных географических названиях, состоящих из нескольких слов. В русском языке дефис используется для названий, состоящих из двух и более слов, за исключением адъектива перед номинативом и предлога перед номинативом, напр.: *Великий Новгород*, *Весёлый Посёлок*, *Ясная Поляна*. Когда же адъектив стоит в постпозиции, то дефис используется: *Гусь-Хрустальный*. Подобный подход распространяется и на названия иностранного происхождения, при этом принимается во

¹⁷ Вопрос ударения может в данном случае вызвать споры, поскольку **ё**, как правило, «перетягивает» ударение на себя. В некоторых случаях это происходит автоматически (как в случае с г. Ческе-Будеёвице), в других случаях (как в случае с г. Киёв или г. Каёв) этого не происходит, поэтому ударение необходимо обозначать в словарях и справочниках.

К проблеме модернизации правил русской транслитерации чешских...

внимание переводимость и непереводимость некоторых адъективов, ср.: *Северная Каролина, Южная Дакота и Нью-Йорк, Сан-Франциско*, т. е. если адъектив переводим и он стоит перед номинативом, то дефис не используется, если адъектив мы не переводим, то он присоединяется к номинативу посредством дефиса.

То же самое должно распространяться и на чешские названия, т. е. если мы используем чешский адъектив в его изначальном звучании, то дефис присутствует, напр.: *Чески-Крумлов*. Если же мы переводим адъектив (что, хоть и упрощает русским использование таких названий, всё же является искажением), то дефиса нет: *Чешский Крумлов*. У некоторых чешских названий это правило действует не так однозначно, напр. название города *Карловы Вары* воспринимается фактически целиком как переводное, т. е. обе его части могут присутствовать в русском языке. С другой стороны, есть названия, которые аналогичны с выше приведённым по словообразованию, но не воспринимаются русскими как похожие на русские названия (к примеру, при написании *Марианске-Лазне* дефис необходим).

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что данная статья не должна восприниматься как попытка глобального реформирования правил транслитерации чешских имён собственных, а скорее как целесообразный шаг в сторону корректировки таких правил под влиянием упомянутых факторов.

Использованная литература:

- Инструкция по русской передаче географических названий Чехословакии*. Москва, 1977.
- Кириллица. От возникновения до наших дней*. Санкт-Петербург, Алетейя 2011.
- Левашов, Е. А.: *Географические имена. Трудные случаи употребления: Словарь-справочник: Более 8000 географических имён*. Москва, Астрель, АСТ, Транзиткнига 2003.
- Руководство по национальной стандартизации географических названий*. Нью-Йорк, Организация Объединённых Наций 2007.
- Cvrček, Václav: *Mluvnice současné češtiny 1. Jak se píše a jak se mluví*. Praha, Univerzita Karlova v Praze. Nakladatelství Karolinum 2010.
- Havránek, Bohuslav: *Psaní ruských jmen v češtině. Naše řeč*, č. 3–4, r. 33 (1949).
- Polívková, Alena: *Naše místní jména a jak jich užívat*. Praha, Euromedia Group, k. s. 2007.

